

К 60-летию со дня рождения Ивана Мележа

«БОЛЬШАЯ, ПРЕКРАСНАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕМА»

ИВАНУ ПАВЛОВИЧУ МЕЛЕЖУ — 60 лет. Было бы.

Мы бы ему говорили, что он еще молодой, и говорили бы искренне, так как молодым делал его могучий талант, который открылся во всю мощь в «Полесской хронике», а также в процессе работы над ней. Возможно, ему, живому, сказали бы не совсем всерьез то, что пишем, говорим сегодня с любовью и благодарностью: классик! А он по-полешуцки настороженно и будто виновато улыбался бы, а сам повернул бы разговор снова на них, своих литературных детей, которые приносили ему большие хлопоты и переживания. Что дальше с ними делать, как быть с Василем, Ганной, Миканором, Апейкой, Башлыковым, а также с Евхимом, а также с Дубоделом?.. Да и не тот он был человек, Иван Павлович, чтобы не болеть, не страдать тем, что забит его современника, народ его!..

Еще в 1947 году, уже задумав «Минское направление» и приступая к работе над ним, аспирант Белгосуниверситета Иван Павлович Мележ записывает:

«Написать большую вещь (когда-нибудь) о том, как менялась и ломалась психика белорусского крестьянина с 1914 года до нынешнего дня. Прожиты страшно жестокие, ломкие годы. Этапы — 1914, 1917, 1921, 1926, 1930, 1937, 1941, 1945. Идти недалеко за образами — взять жизнь отца или матери!..»

И снова — в том же году: «...Наступление на болота — большая, прекрасная, национальная тема. Написать».

Писатель думал об этом и прежде.

Начиная с 1956-го — а это был год XX съезда партии, — на писательском столе Ивана Павловича «Полесская хроника». Главная книга его.

Видимо, к сегодняшнему дню, к 1981 году, Иван Павлович уже окончил бы третью книгу «Хроники» («Метели, декабрь») и, возможно, четвертую, хотя все время, как и раньше, звала бы его и другая работа, потребность рассказать о «своей» (а не Василья Дятла или Апейки) войне, о своем поколении и еще «написать повесть о любви» (как он часто говорил, обещал). Да мало ли могло возникнуть новых замыслов, решений и сложностей у такого человека и таланта! Но все же, думается, Полесская Книга осталась бы главной, как неоплаченный долг, ответственность перед землей «отца и матери» и как навеявшее творческое счастье, и мука также...

Отправив идейного и морального банкрота Башлыкова «назад в Гомель» (Мележ не раз говорил, что делает так) и вернув беглого Василя с лесозаготовок в Курени, на этом, возможно, закончил бы «Метели, декабрь».

Так пишет Иван Павлович в записных книжках:

«В конце дать сценку: Василь возвращается в Курени. Потянуло. Враз собрался, все бросил. Летел домой. И вот куреневская гать, цагельня, крыши... Пускай хоть что, только тут бы! Только тут!..»

Красавица и любимица Ивана Павловича Ганна Чернушка (и наша любимица) на тех же дорогах жизни и времени вырастала в воображении писателя, в душе и сердце его в обобщенный трагический образ (как сказано в одной из записей — «доля женщины, жены — матери, мученицы»).... Оказалось, что судьба ее женская — не Василь, и, разумеется, не Евхим, и уж никак не Башлыков, а Миканор. Да, преданный делу, хотя и не всегда рассудительный в своих отношениях с односельчанами бывший красноармеец Миканор.

Да, Миканор, который так хорошо начинал свой путь в Куренях — с людьми и для людей (строительство гати), который сбился на какое-то время на путь, «на методы» Башлыкова и Дубо-

дела, этот самый Миканор оказался способным на шаг, хотя и окончившийся бедой для него, но вернувший ему уважение сельчан, их признательность и сочувствие. Ганна же наконец поняла, какой он человек: «заслуживающий другой судьбы и настоящей женской преданности, любви».

Жена не жена, вдова не вдова. Ночами гадает: где он, что с ним.

Упрекает: надо было ему больше всех. Детей не пожалел. Ее не пожалел. Другие — вон живут как живется, приноравливаются! В минуты трезвоты успокаивала: а как было иначе! Не вен же неправдой жить? Не всем же неправдой!.. Люди сочувствуют. Добрым словом вспоминают Миканора».

А сделал он вот что: когда некий Дубодел или новый Башлыков уже и на второй год колхоза в Куренях хотели оставить людей без хлеба, с пустым трудоднем, то председатель колхоза Миканор свое обещание людям выполнил. Наперекор всему. Сдал заготовки. Выделил семена. А все остальное распределил. И дождался прокурора!..

Так, или немного иначе, или совсем не так, как в этих записях, повернулась бы судьба Миканора и Ганны — кто знает? Ибо это только один из вариантов — тот, что записал Иван Павлович, когда еще работал над «Дыханием гроз» и «Метелями, декабрем».

...Исчез перед самой войной Башлыков... И вот так с Миканором случилось. А Дубодел («Криворотый» — так его все называли, какая бы власть над людьми у него ни была!) — этот «показал себя» в годы войны.

«Он в душе карьерист. Ему, Криворотому, главное — быть наверху. На коне», как он сам говорит. А его — с коня на землю перед войной. Вот и злость на Советскую власть... Немцы дали снова власть. Снова опьянен властью. Хвалит немцев, распирается перед ними длинными речами...»

Самый живучий из всех оказался Василь Дятел. Ибо и дело его на земле вечное — выращивать хлеб.

Судьба его, как и других, виделась Ивану Павловичу неоднозначно — если читать записи разных лет. Но всюду и всегда главным для Василя была и оставалась все та же земля. Даже когда и глядеть на нее не хотел, боялся...

Вернулся он в свои Курени раненным с фронта, что покатило дальше на восток: «После скитаний недавних, грохота боя, смерти жил Василь тишиной, покоем, привычною родных картин и забот».

Тишина, однако, не была тихой, и в покое чувствовалась гроза. Старался не замечать, не беречь себя думами — утешения в них не было.

Болела душа за малых, за огород, за корову, за хату — ненадежным, беззащитным было все, но тем оно было дорожно.

С необычайной любовью пестовал малых, с редкой, с отчаянной преданностью хлопотал по хозяйству.

Первое время вспоминал все обиды от Советской власти: особенно когда записали подкулачником, когда лишили радости — забрали хату, отрезали землю, принудили, можно сказать, снаться по свету. Злость была на Миканора!..

Но это была раздражительность не злорадная, а — все чаще — злость, от которой больно самому!..

Нет, не собирался писатель выпрямлять характер Василя. Было что развивать, куда углубляться, если бы начал полесский роман о военном лихолетье... Правда, автор еще не захвачен по-настоящему (только наброски) движением и самораскрытием характера Василя в условиях войны. Не столько сопереживает своему герою, сколько «наблюдает» за ним как бы со стороны: мол, не оживает ли худшее, что было в нем?..

«Болела душа за малых, за огород, за корову, за хату...» Будто всему этому одна цена: что детям, что корове! И хотя поистине: как без огорода да без коровы тех детей спасти от смерти голод-

ной? Однако есть в таком пересчете словно бы и упрек Василю-«собственнику»: изменился ли он, а может, остался все таким же?

Но читаем в записках писателя фразу, которая могла бы многое сделать второстепенным, все повернуть, направить в свою сторону, если бы серьезно начата была работа над этим романом:

«Когда пылали Курени — (семья) погибла. Спасся сын один. Его случайно смерть обошла».

Эта первая жуткая, обжигающая весть, которую Иван Павлович услышал и пережил, когда после войны приехал в свои Глинищи, могла быть (и была, разумеется) о том, как в соседних с Глинищами Алексичах живьем сожгли, перебили всех жителей. Да и во многих деревнях вокруг!..

Пробовал рассказать о таких деревнях Иван Мележ и в «Минском направлении».

Но можно представить, как углубился бы он в эту тему (также национальную для белорусов, да только нестерпимо жуткую!), когда бы написал военную судьбу Куреней (и Василя). И как дети заслонили бы все остальное! И в романе. И в душе Василя. И с чем в душе пошел бы Василь снова на фронт. И каким вернулся бы!

Потому что Мележ так видел (на одном из этапов своей работы) дальнейшую судьбу Василя:

«После освобождения взяли в армию. Кончил войну в Германии или Австрии. Воевал неплохо. Пулеметчиком. Начал от Мозыря. Ехать — не ехать домой? Болело от одной мысли про дом. Сначала думал — не поеду. Подался за товарищем — к нему. Пошел — потянуло домой».

Приехал. Встреча с Куренями. Боль. На могилках. Сколько тут похоронено! Но никто не видал такого горя!..

Курени. Нигде мне без вас житья не будет. Только в вас и мое горе, и моя радость. Моя жизнь».

А дальше запись, слова, что не очень, может, вяжутся с образом Василя, каким он представляется по прежнему романам, но с Василем военным и послевоенным, очевидно, вязались бы:

«И все-таки мы будем жить. Нас — не уничтожат. Потому что мы — народ!»

В статье «Найти себя» Мележ зафиксировал ту историческую правду, что и в Отечественной войну, и «после такой войны» наши люди по-новому и как никогда чувствовали, понимали, «что мы — народ».

Так почему не почувствовать было это Василю? Которого ничто не обошло и обойти не могло, потому что таких, как он, — миллионы.

Вот где и как могла откликнуться та первоначальная мысль о «большой, прекрасной, национальной теме», с которой все начиналось. Вот какой исторический масштаб, какую гуманистическую глубину она приобретала в процессе работы над романами.

«16. IX. 1974 г. Погода сегодня с утра хмурая. А под вечер прояснилось. Все дни были солнечными и небо синим. И по-особенному тепло, а ночью — уже холодно».

Видно, так и останется недописанной моя обещанная «Полесская хроника».

Этот роман я, может, как-нибудь со скрипом дотяну. А то, что лежит в папке? То, что могло придать «Хронике» вид хоть какой-то завершенности!..»

Не хватает нам тех томов, тех страниц, слов, что не написал он. Но то, что есть, с нами навсегда. В свою «Полесскую хронику» Мележ вложил самое дорогое, заветное, важное — все, что пережил, изведал, понял. И с каждым годом работы над грандиозным замыслом роман приобретал новые масштабы, а главное, стремительно возрастала писательская потребность и решимость сказать истинно народную правду о жизни — написать поэтическую и в то же время суровую, правдивую эпопею народной жизни!..

Алесь АДАМОВИЧ
МИНСК